

Когда Линь Шо покидал офис, Хэ Янь уже давно укатил, да и большинство сотрудников успели разойтись.

Небо потемнело, и по крышам забарабанил дождь. Раскрыв зонт, Линь Шо нырнул в салон автобуса. Громоздкая машина медленно плыла в бесконечном потоке огней; устроившись у окна, он разглядывал разноликую толпу прохожих.

Он приехал в этот город вместе с отцом, когда ему было всего шесть лет. С тех пор его домом стал кинотеатр.

Для маленького, ничего не смыслящего ребенка огромный мегаполис был полон соблазнов. Линь Шо рос крепким и сообразительным малым, энергии в нем было хоть отбавляй. Пока Линь Хоугэнь на полдня пропадал в аппаратной, сыну хватало всего пары юаней в кармане, чтобы сесть на автобус и отправиться бродяжничать по городским джунглям.

Всё в большом городе казалось ему в новинку, всё вызывало жгучий интерес. Он был смел и не боялся соваться в самые значные места или заговаривать с незнакомцами. Видя перед собой ребенка, люди обычно не ждали подвоха. А если и попадался какой-нибудь проходимец с дурными намерениями, окружающие реагировали быстрее самого мальчишки — защищали его всей округой.

Пожалуй, доброты в своей жизни Линь Шо видел куда больше, чем злобы. Поэтому он долгое время даже не задумывался о том, насколько коварен может быть этот мир.

Но за последний год всё перевернулось с ног на голову. Он повзрослел, а мир взрослых оказался совсем не похож на юношеские фантазии. Линь Шо едва успел заглянуть за завесу, как на него градом посыпались проблемы: угроза сноса кинотеатра, попытка обмана Лин Чу, «контракт», навязанный Хэ Боюанем... Несчастья словно сговорились, решив явиться все разом.

И перед Ван Хулаем, и перед Лин Чу он старался держаться невозмутимо и рассудительно, будто любая ситуация была ему по плечу. Но на деле оставался лишь девятнадцатилетним юношей. Впрочем, нет — недавно исполнилось двадцать, и он официально вступил в пору зрелости.

Возможно, столкновение с грязной изнанкой жизни и есть та самая цена за право называться взрослым.

Линь Шо смотрел отстраненно. Он спокойно наблюдал за мелькающими пейзажами, словно отгородившись от всей суеты невидимой стеной. Оцепенение спало лишь тогда, когда диктор объявил конечную остановку.

Заметив, что в салоне остался один Линь Шо, водитель вздохнул и заговорил:

— А-Шо, поговаривают, эту остановку скоро совсем уберут.

За окном большая часть зданий уже превратилась в руины. Из-за недавних снегопадов стройка замерла, и заваленные снегом пустыри выглядели уныло. На этом ослепительно белом фоне кинотеатр «Радость без границ» казался совсем одиноким и хрупким.

Линь Шо посмотрел на табличку с надписью «Остановка: кинотеатр «Радость без границ»». Помолчав мгновение, он улыбнулся водителю:

— Никуда она не денется. Дядя Лин затеял капитальный ремонт, так что, когда будем открываться заново, обязательно заходите поддержать нас.

Водитель, видевший Линь Шо еще карапузом, тут же закивал:

— Ну разумеется! Я и ребят всех с собой приведу.

Попрощавшись, Линь Шо раскрыл зонт и шагнул в пелену дождя.

Возможно, они не в силах тягаться влиянием с сильными мира сего, но если есть что-то, что ты по-настоящему хочешь сберечь — способ найдется. Главное — решиться.

Линь Хоугэнь мечтал, чтобы сын выбрал самую заурядную специальность, нашел пыльную работу в офисе и тихо дожил до седых волос. Отец считал, что нужно уметь мириться с судьбой.

Но что, если смирение не сделает путь ровнее? Что, если оно не гарантирует той самой «спокойной и гладкой» жизни?

Тогда это не судьба.

Это — малодушие.

Линь Шо никогда не верил в «рок». И уж точно не собирался повторять ошибки отца. Он не станет тем слабаком, который предпочел трусливый побег в объятия смерти борьбе за жизнь.

Линь Шо поднял голову, глядя на теплый оранжевый свет, льющийся из окон кинотеатра. Там всю кипела работа: грузчики перетаскивали какие-то ящики. Один из них, завидев его, радостно замахал рукой:

— Режиссёр Линь!

Отвлечшись, бедняга не удержал ящик, и тот с грохотом рухнул прямо ему на ногу. Бедолага тут же взвыл, запрыгав на одной ноге.

Линь Шо невольно рассмеялся. Что бы ни происходило, он всегда верил, что поводов для радости в этом мире куда больше, чем для печали. Сложив зонт, он первым делом помог ребятам затащить тяжелые коробки в реквизиторскую.

Вскоре появился Ван Хулай. Завидев работающего Линь Шо, он тут же подскочил на помощь, пыхтя от усердия. Видя, как режиссёр и босс не чураются физического труда, остальная команда расчувствовалась — в такие моменты каждый ощущал себя частью чего-то по-настоящему важного.

Линь Шо, впрочем, о высоком не думал. Поставив последний ящик, он окинул взглядом тяжело дышащего Ван Хулая и ехидно заметил:

— Брат Ван, тебе бы спортом заняться. Совсем форму потерял.

—... — Ван Хулай лишь скорбно промолчал.

Решив сменить тему, он пошел следом за Линь Шо к выходу:

— Слушай, судя по опросам в чате, народ жаждет увидеть твоё лицо. Может, всё-таки выйдешь на сцену во время премьеры? Если ты появишься, мы в один миг захватим декабрьский рейтинг горячих тем! Аж дух захватывает!

Линь Шо ответил с напускной серьёзностью:

— Я бы предпочел, чтобы публика ценила мой талант, а не смазливую мордашку.

Ван Хулай едва не задохнулся от возмущения:

— Да в наше время, если у тебя нет лица, до твоего таланта и дела никому не будет! — Он едва не всхлипнул, вспомнив все свои прошлые унижения.

Линь Шо сочувственно похлопал его по плечу:

— Да не расстраивайся ты так. И на твой товар найдется купец. Мир велик, в нем полно людей с... весьма специфичными вкусами.

—...

Ван Хулай уже привык к подначкам. Но теперь, когда до выхода фильма оставались считанные дни, его начало терзать любопытство:

— Слушай, ты ведь даже в титрах указал только псевдоним «Радость в огне». У этого есть какая-то особая причина?

Линь Шо загадочно прищурился:

— Ну раз ты так искренне спрашиваешь, так и быть, открою тайну. На самом деле мой отец — величайший режиссёр, чье имя гремит на весь мир. Он одной левой укладывает Ли Чжуншаня и дает фору самому Джеймсу Стерлингу. Я его единственный наследник, которого с малых лет отправили в мир на закалку. Отец строго-настрого запретил мне пользоваться его славой. Пока не возьму парочку международных премий, домой велел не возвращаться. Брат Ван, я не хотел скрывать, просто боялся, что ты не переживешь такого потрясения.

Ван Хулай слушал, раскрыв рот. Он лихорадочно перебирал в уме всех знаменитых мэтров, пытаясь понять, кто подходит под описание, но картинка не складывалась. Заметив лукавый блеск в глазах Линь Шо, он наконец понял, что его просто-напросто водят за нос.

— Ладно, — выдохнул он. — Не хочешь — не говори. Теперь «Звёздный свет» фактически в твоих руках, так что развлекайся как знаешь.

Раньше Ван Хулай был готов смириться с концом карьеры, но появление Линь Шо вновь разожгло в нем искру надежды. Этот юноша был для всех них прекрасной загадкой, манящей и необъяснимой. И даже если им не суждено её разгадать, было здорово просто заниматься любимым делом под его началом.

То, что казалось им непосильной задачей, Линь Шо щелкал как орешки. Ван Хулай понимал: если бы этот парень встретил их не сейчас, когда он еще так молод и только делает первые шаги в этой жестокой индустрии, они бы никогда не смогли стоять с ним плечом к плечу. Пройдет десять лет, а может, пять или три — и Линь Шо взлетит так высоко, что их нынешняя поддержка покажется сущим пустяком.

Они стояли на пороге, глядя на пелену дождя.

— Знаешь, — негромко произнес Ван Хулай спустя долгое время. — Я уверен, что наступит день, когда имя Линь Шо оставит всех нас далеко позади и о нем узнает каждый.

Линь Шо рассмеялся:

— Брат Ван, тебя сегодня прямо на философию потянуло.

Ван Хулай больше ничего не сказал, лишь махнул рукой, спроваживая парня к Лин Чу. Тот уже

давно наблюдал за ними с верхнего этажа, явно беспокоясь, не замышляет ли старый пройдоха чего недоброго против Линь Шо.

Но разве это было возможно? Линь Шо обладал внешностью, от которой невозможно отвести взгляд, но при более близком знакомстве становилось понятно — между ними пропасть. Есть такие люди, при взгляде на которых любая сомнительная мысль кажется святотатством. Того, что этот гений называл его «Братом Ваном», уже было достаточно для полного счастья.

Линь Шо поправил шарф на шее и поднялся наверх к Лин Чу. Тот сразу спросил:

— О чем вы там толковали с режиссёром Ваном?

— Да так, — Линь Шо улыбнулся, — о жизни, о мечтах.

Ван Хулай грезил о том, чтобы покорить киноолимп, но у него никогда не хватало на это сил. Поэтому теперь он вложил все свои надежды в Линь Шо.

Насмешливый тон друга заставил Лин Чу нахмуриться. Но, встретившись с его искрящимся взглядом, он лишь молча отвел глаза. Линь Шо превосходил его и в таланте, и в силе духа. Прежде чем переживать за него, стоило бы помолиться за тех, кто рискнет перейти ему дорогу.

— Спасибо, — тихо сказал Лин Чу.

— За что это? — Линь Шо оперся на перила, глядя на неоновые вывески, припорошенные снегом.

Если бы не приют, который дал им Босс Лин, неизвестно, где бы сейчас скитались они с отцом. Если бы не помощь дяди Лина, старик бы не дотянул до пересадки сердца. Лин Чу вырос вместе с ним, и их связь была крепче братской.

Этот кинотеатр хранил в себе воспоминания Босса Лина о молодости и их общее детство. Как бы далеко ни заносила его судьба в этом огромном городе, здесь всегда было место, где его ждали. И даже когда людей не станет, само место должно выстоять.

Именно за эту тонкую нить памяти и цеплялся Босс Лин, вступая в схватку с застройщиками. Веселый и отзывчивый со всеми, в глубине души он неизменно тосковал по матери Лин Чу. Эта сильная женщина когда-то на своих плечах вынесла все тяготы кинотеатра, но, надломившись, покинула их слишком рано, оставив в наследство лишь эти стены.

Линь Шо посмотрел на Лин Чу. Он смотрел уверенно:

— Как только фильм выйдет, рабочие и материалы будут на месте. Пока у тебя есть свободное время, еще раз хорошенько обсуди с дядей Лином проект реконструкции.

Лин Чу кивнул. Благодаря рекламе в кино, после открытия залы точно не будут пустовать.

Под конец съемок «Безумного наклейщика плёнок» Ван Хулай лично наведился к застройщику. Он предложил тому исполнить роль «Девелопера», пообещав заодно пустить рекламу его нового жилого комплекса. Прикинув выгоду, застройщик согласился. Более того, в качестве «оплаты за рекламу» он обязался полностью оплатить ремонт кинотеатра.

По правде говоря, в глубине души застройщик испытывал легкую досаду. Сказали бы сразу, что у них такие связи — и не пришлось бы собачиться столько времени!

Вскоре, под аккомпанемент чьих-то восторженных ожиданий и чьей-то злорадной критики, наступил долгожданный день — 22 декабря.

В этот день на большие экраны одновременно вышли «Безумный наклейщик плёнок» и «Город журавлей» Ли Чжуншаня.

<http://bllate.org/book/17574/1709561>